

Въ Царьградѣ въ 1878—79 г.г.

XIX ¹⁾.

22 іюля 1878 г. послѣдовало назначеніе, для работъ разграниченія на основаніи постановленій Берлинскаго конгресса, ниже слѣдующихъ лицъ: въ Болгарскую международную комиссію Ген. штаба полковника Боголюбова, въ Восточно-Румелійскую — Ген. штаба полковника Филиппова, въ Сербскую — Ген. штаба полковника барона Каульбарса 2-го и въ Черногорскую — Ген. штаба полковника барона Каульбарса 1-го. Въ Малоазіатскую — изъ представителей заинтересованныхъ сторонъ, Ген. штаба генерала-маіора Стебницкаго и въ помощь ему Ген. штаба капитана Левашева, а въ Румынскую — Ген. штаба подполковника Бѣлявскаго. Наконецъ, для объединенія всѣхъ работъ, въ помощь нашего посла, и рѣшенія вопросовъ военнаго характера на мѣстѣ Ген. штаба генерала-маіора Бобрикова съ помощниками: Ген. штаба капитана Протопопова и Экка.

Сверхъ сего въ Восточно-Румелійскую организаціонную комиссію Ген. штаба полковника Шепелева 1-го.

На берегахъ Босфора мнѣ приходилось быть не въ первый разъ. Еще въ 1867 году была командирована партія офицеровъ — геодезистовъ Генеральнаго штаба на Балканскій полуостровъ для ознакомленія съ условіями мѣстности въ видахъ продолженія измѣренія дуги меридіана до острова Кандіи. Основная ученая мысль принадлежала Струве, главному астроному Пулковской обсерваторіи: находчивое ея примѣненіе — нашему послу въ Константино-

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1913 г.

полѣ генераль-адъютанту Н. П. Игнатьеву. Въ число командированныхъ попалъ и я. Въ то время во главѣ министровъ Падишаха стояли выдающіеся Аали-паша и Фуадъ-паша. Когда послѣднему шептали объ опасности допускать внутрь христіанскихъ провинцій русскихъ офицеровъ Генеральнаго штаба, умница Фуадъ-паша справедливо отвѣчалъ, что въ 1829 году русская армія сама нашла дорогу къ Адрианополю, а отъ теперешней повѣдки русскихъ образованныхъ людей все-таки будетъ польза, которою они несомнѣнно подѣлятся съ турецкимъ правительствомъ. „Хотя бы и такимъ путемъ познакомиться съ настоящимъ состояніемъ страны“, добавлялъ онъ благодушно.

То былъ блестящій періодъ исторіи османовъ султана Абдуль-Ассиза, однако, не въ смыслѣ золотого вѣка по подъему мусульманскаго фанатизма и расцвѣта арабской культуры, а по широкому пользованію денежными средствами въ то время въ изобиліи народившихся во всей Европѣ банковыхъ учрежденій, наперерывъ другъ предъ другомъ открывавшихъ широкой кредитъ правительству восточнаго властелина. Свободныхъ средствъ было масса, но они направлялись не столько на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ, сколько на мимолетныя прихоти сераля. На берегахъ Босфора въ короткое время возникъ рядъ баснословно-роскошныхъ султанскихъ дворцовъ Дольма-Бахчи и Чира-Гана, предъ которыми померкли богатства резиденцій азіатскаго берега и египетскаго хедива. Въ то же время въ Золотомъ Рогѣ появились величественныя броненосцы, прибрѣтенныя на вѣсь золота, но по мнѣнію турецкаго морского вѣдомства на столько сложной и трудной конструкціи, что справиться съ ней пока не представлялось возможности. И тамъ, и здѣсь, и вездѣ въ правительственномъ обиходѣ, также быстро возникали игрушки, какъ и выходили изъ употребленія. Пѣной вскипѣла общественная дѣятельность, только для близорукаго казавшаяся прочною и устойчивою.

Англійское вліяніе со времени послѣдней войны преобладало и съ нимъ успѣшно боролся нашъ молодой, энергичный и представительный посолъ. Благодаря тому, что раннимъ возведеніемъ въ званіе посла онъ сдѣлался доэномъ иностранныхъ представителей, онъ былъ неистощимъ въ нанесеніи мелкихъ уколовъ спѣсивому представителю Великобританіи, сэру Генри Эллиоту. То появленіемъ въ Блистательной Портѣ онъ прерывалъ бесѣду своего соперника съ великимъ визиремъ по званію императорскаго посла; то велъ первую къ столу, какъ доэня, особу не особенно угодную англичанину-хозяину. Кипучею своею дѣятельностью и находчивостью онъ совершенно обворожилъ султана до такой степени, что

не было международнаго дѣла, по которому Его Величество не совѣтывался бы съ русскимъ посломъ. Настоящимъ дѣломъ никто не занимался. Интрига и борьба за вліяніе были въ полномъ ходу. Если блистательному послу нашему удалось занять первенствующее положеніе у трона калифа всѣхъ правовѣрныхъ, то въ средѣ послѣднихъ, у софтъ и улемовъ, онъ давно считался страшнымъ шайтаномъ, котораго ненавидѣли и боялись, но силу безусловно признавали. Всѣ усилія генерала Игнатьева внушить туркамъ довѣріе и дружбу къ русскимъ, возобновить традицію 1833 г., когда русскій корпусъ войскъ былъ привезенъ на берега Босфора для защиты Стамбула отъ Египетскаго хедива, оказались напрасными. Мы по-прежнему нагоняли на турокъ страхъ и отнюдь не вызывали довѣрія.

Проходя разъ мимо топханэ (арсенала), я былъ привѣтствованъ стоявшимъ тамъ часовымъ: „бона инглишъ, бона инглишъ“.

Приложивъ руку къ шляпѣ въ видѣ отвѣта на привѣтствіе, я спросилъ: „а московъ бона?“

Часовой сдѣлалъ свирѣпый видъ и яростно сталъ штыкомъ колоть пространство, посылая по адресу москова нелестные эпитеты.

Во время поѣздки верхомъ по болгарскимъ провинціямъ меня сопровождалъ турецкій офицеръ Генеральнаго штаба, болѣзненный, худенькій, забитый. Спѣшно высланный, чтобы меня конвоировать, онъ былъ безъ денегъ и багажа и потому находился на моемъ полномъ иждивеніи. Угодливости его не было границъ. За каждую ласку и угощеніе онъ подобострастно цѣловалъ полу моей одежды. А это былъ одинъ изъ первыхъ учениковъ высшей военной школы. Онъ мнѣ жаловался на свое скудное существованіе, полное лишеній, и умолялъ выхлопотать ему отпускъ въ родной домъ, гдѣ осталась его семья, которую не видѣлъ уже нѣсколько лѣтъ.

Велико было ликованіе турецкаго люда и инородцевъ, когда Абдуль-Ассизъ погибъ отъ англійскихъ ножницъ. У нашего посла были друзья между пашами, но его слишкомъ шумная, подчасъ походная дѣятельность оскорбляла религіозное чувство мусульманъ и задѣвала самолюбіе и интересы христіанскихъ народностей береговъ Босфора. Въ нашей политикѣ той эпохи не было опредѣленнаго направленія и выдержки, и вся она олицетворялась въ лицѣ даровитаго, но крайне самонадѣяннаго посла. Въ тихихъ водахъ ислама, требующаго медленной, созерцательной мысли, рѣзко бурлила энергія неукротимаго посла, какъ на клавишахъ игравшаго на всѣхъ сторонахъ государственной жизни Турціи, отъ дѣлъ религіозныхъ до биржевой игры. Когда событія назрѣли и наступилъ эпилогъ, въ нашихъ рукахъ оказалось одно пустое про-

странство. Блестящая импровизація несомнѣннаго таланта сильно подкупала въ свою пользу, но стоило подойти къ его дѣятельности съ холоднымъ анализомъ, чтобы разоблачилась непрочность созидація, провозглашеніе высокихъ началъ еще не заслуга, нужно сумѣть ихъ осуществить.

Въ нашемъ посольствѣ устно передается легенда о томъ, какъ молодой нашъ посланникъ, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, былъ вынужденъ уступить свое мѣсто восходившему свѣтилу на дипломатическомъ горизонтѣ, обнаружившему свои высокія дарованія въ Пекинѣ. Говорятъ, что успѣхъ оцѣняетъ. Вѣроятно въ силу такого явленія юный директоръ азіатскаго департамента не счелъ возможнымъ примириться съ своею дѣятельностью и возымѣлъ страстное желаніе занять постъ въ Царьградѣ. Какимъ путемъ, опредѣлительно сказать трудно, но посланникъ былъ доведенъ до такого состоянія, что всѣ департаментскіе пакеты онъ сталъ бросать въ каминъ и корзину, не читая, на этомъ былъ дискредитированъ и вскорѣ отозванъ.

Когда въ сентябрѣ 1879 года я прибылъ въ Буюкъ-Дере на Босфорѣ, посломъ былъ князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, тотъ самый, который много лѣтъ тому назадъ былъ уже здѣсь въ званіи посланника. На этотъ разъ онъ явился сюда въ качествѣ посла и особо довѣреннаго лица, принявшаго постъ по чрезвычайному настоянію высшихъ сферъ. Онъ потребовалъ меня къ себѣ немедленно, въ томъ самомъ дорожномъ костюмѣ, въ которомъ я только что сошелъ съ парохода, и безъ околичностей перешелъ къ существу современнаго положенія.

Общую обстановку Императорскаго посольства я нашелъ совершенно другого характера. вмѣсто приподнятой нервности и быстро мѣнявшихся впечатлѣній всюду царило спокойствіе, простота и усидчивость работы. Князь А. Б. Лобановъ былъ скорѣе кабинетнымъ ученымъ, чѣмъ кѣмъ-либо инымъ. Одинокій, онъ рѣдко соединялъ у себя за столомъ персонала посольства, почему подчиненныхъ своихъ зналъ больше по способности ихъ къ работѣ. Случалось, что по спѣшному дѣлу я заставлялъ посла за скромнымъ завтракомъ. Онъ предлагалъ мнѣ говорить, а самъ продолжалъ завтракать. Съ непривычки эта простота нѣсколько шокировала, но скоро я оцѣнилъ ея удобство. Ни по какимъ вопросамъ князь не былъ двухъ мнѣній. Высказывался онъ обдуманно, прямо по существу и всегда правдиво. Привожу два случая, прекрасно его характеризующіе.

Берлинскимъ конгрессомъ остались всѣ недовольны, но больше всѣхъ болгары, для которыхъ Санъ-Стефанскимъ мирнымъ дого-

воромъ открывалась перспектива сдѣлаться сразу сильнымъ государствомъ, несомнѣнно господствующимъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ Берлинѣ Болгарія не только была сильно обрѣзана со всѣхъ сторонъ, но и разрѣзана пополамъ. Какъ ни старались мы за нее, но сдѣлать ничего не могли. Приходилось мириться съ участью. Хорошо понимая, что время не за нихъ и что всякая попытка можетъ легче имѣть успѣхъ, пока не установлены граничныя линіи и только въ періодъ оккупациі страны русскими войсками, болгары формируютъ четы въ Македоніи, а по народившейся Восточной Румелии подняли волну подъема народнаго духа. Слухъ о волненіяхъ дошелъ до Царьграда и очень озаботилъ кн. Лобанова. Съ другой стороны безпокойство посла усилилось неопредѣленными проектами объ албанской автономіи, исходившими, главнымъ образомъ, изъ австро-венгерскаго посольства, но нашедшими больше сочувствія даже между нашими мѣстными дипломатами.

Совѣщаясь со мной, князь подробно спрашивалъ объ албанской народности, ея происхожденіи, исторіи и географіи и поручилъ командировать Генеральнаго штаба капитана Экка для изслѣдованія на мѣстѣ о состояніи страны. Результаты поѣздки превзошли ожиданія. Оказалось, что инсurreкціонная пропаганда раскинулась на всю центральную часть полуострова, не только не скрываясь отъ мѣстныхъ властей, но во многихъ мѣстахъ возникая и распространяясь благодаря имъ. Капитанъ Эккъ видѣлъ открыто лежавшіе подписные листы на осуществленіе македонскаго возстанія, во главѣ которыхъ стояли русскія оффиціальныя имена. Что же касается до Арнаутлука (турецкое названіе населенной албанской народностью мѣстности), то свѣдѣнія, доставленныя капитаномъ, вполне подтвердили существованіе съ одной стороны интриги австрійскихъ эмиссаровъ, а съ другой—подстрекательство магометанскаго фанатизма къ истребленію христіанъ.

„Когда предъ отъѣздомъ, я имѣлъ счастье представляться Государю Императору“, говорилъ мнѣ посоль, „Его Императорскому Величеству благоугодно было меня удостоить особою устною инструкціею, по которой я долженъ употреблять всѣ усилія къ возможно быстрой ликвидаціи послѣдствій войны. Поэтому, долгъ службы мнѣ повелѣваетъ немедленно донести о возможныхъ въ ближайшемъ будущемъ затрудненіяхъ, способныхъ неосторожно запутать насъ въ болгарскихъ дѣлахъ“.

Послѣдствіемъ донесенія былъ вызовъ въ Ливадію Императорскаго комиссара генераль-адъютанта князя А. М. Дондукова-Корсакова. Нужно предполагать, что внушенія были серьезнаго ха-

рактера, такъ какъ князь на обратномъ проѣздѣ даже не зашелъ къ послу.

Не много спустя, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ былъ переданъ въ посольство для руководства проектъ одного изъ видныхъ членовъ нашего дипломатическаго корпуса объ образованіи автономнаго албанскаго государства. Проектъ княземъ Лобановымъ былъ лично переданъ мнѣ для обсужденія его вмѣстѣ съ Базили и совмѣстнаго доклада. Прочитавъ обширную записку съ одобрительными помѣтками на поляхъ, мы пришли въ ужасъ. Обнаруживалось поразительное легкомысліе автора, бойкимъ проектомъ желавшаго лишь обратить на себя вниманіе начальства. Можно было только удивляться, какъ такой проектъ могъ успѣшно пройти всѣ начальственныя стадіи и даже вызвать одобреніе. Посоль приказалъ проектъ сдать въ архивъ въ отрицательное назиданіе потомства и о своемъ распоряженіи имѣлъ мужество сообщить въ министерство.

Хаосъ понятій даже между чинами одного и того же вѣдомства былъ чрезвычайный. Никто не считалъ нужнымъ изучать дѣло и вникать въ его прошлое. Каждый стремился импровизировать. Существовали теченія, прямо противоположныя одно другому, смотря потому, исходили-ли они изъ Вѣны или изъ Константинополя. Прилагалась различная оцѣнка словамъ, были бы они сказаны графомъ Игнатьевымъ, или произнесены посломъ Новиковымъ. Ловкіе люди пользовались этимъ и мутили общественное мнѣніе. Упорное волненіе той мѣстности, которая предназначалась къ образованію Восточной Румелии, наконецъ вызвало посылку въ Филиппополь чрезвычайнаго императорскаго посланца, генераль-адъютанта Н. Н. Обручева, для объявленія истинной воли Императора-освободителя.

Послѣ Берлина я приводилъ свои нервы въ порядокъ въ Uriage-les-bains близъ Гренобля, а затѣмъ въ Туринѣ и во Флоренціи. Когда я покидалъ послѣднюю, направляясь въ половинѣ сентября черезъ Петербургъ въ Царьградъ, лѣта уже не было. Въ Германіи я нашелъ рѣзкое пониженіе температуры на сухую осень. Въ Петербургѣ была обычная холодная слякоть. На Босфорѣ жара спала и было лучшее время года. Розы въ полномъ цвѣту, поспѣвали фрукты и виноградъ. На первыхъ порахъ, до переѣзда въ Перу, я жилъ въ укромномъ маленькомъ отелѣ Belle vue, довольно высоко лѣжившимся на горныхъ скатахъ прибрежья пролива. Помѣщеніе было миниатюрное, ѣда слабая за исключеніемъ вкусныхъ лангустовъ и чудныхъ темно-зеленыхъ бархатныхъ персиковъ. Приходилось карабкаться въ гору, возвращаясь съ прогулки. Зато

видъ на панораму Босфора былъ очаровательнѣйшій; мягкій, теплый воздухъ былъ полонъ благоуханій.

За двѣнадцать лѣтъ моего отсутствія, составъ посольства сильно измѣнился. Совѣтникомъ былъ Ону, первымъ секретаремъ Базили, секретарями и причисленными состояли: Тепловъ, Вурцель, баронъ Будбергъ, Скрябинъ и Медвѣдевъ. Все люди въ высшей степени любезные и предупредительные, работать и бесѣдовать съ которыми было одно удовольствіе. Семейнымъ домомъ былъ одинъ Ону, гдѣ радушіе и гостепріимство хозяйки заставляли забывать, что находишься на чужбинѣ.

Мое пребываніе въ Царьградѣ распадается на двѣ части, до зимы и послѣ. Въ продолженіе первой части, т. е. осенью 1878 г. мною было написано Н. Н. Обручеву девять писемъ, содержаніе которыхъ обнимаетъ собою почти всѣ текущія дѣла.

Эти письма рисуютъ отдѣльныя картины эпохи, въ которой разобратся я еще не успѣлъ. Благодаря тому, что ранѣе я находился въ центрахъ главнѣйшихъ событій, я былъ болѣе кого-нибудь подготовленъ къ уразумѣнію историческихъ явленій въ сферѣ юго-славянскаго міра. Въ Царьградѣ предо мной выросли результаты событій. Интересъ росъ, ясно сознавались ошибки на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Что будетъ дальше?

XX.

До сихъ поръ мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ на частныхъ театрахъ событій въ Румыніи, въ Болгаріи, въ Сербіи и въ Берлинѣ, пережить подготовительный періодъ предъ войной, испытать превратности боевыхъ невзгодъ и успѣховъ, убѣдиться въ несостоятельности дипломатическаго ареопага. Теперь я очутился въ центрѣ событій, въ фокусѣ историческихъ явленій. Предо мной подводились итоги, сводились концы. Когда знакомишься съ жизнью народовъ по исторической литературѣ, какъ все представляется величественнымъ и законченнымъ. Въ практической жизни, наоборотъ, все является нестройнымъ, какъ бы случайнымъ, на первый взглядъ даже уродливымъ. Нужно отойти отъ частныхъ и подробностей, чтобы вѣрнѣе отдать себѣ отчетъ въ смыслѣ событій, понять ихъ значеніе, провидѣть будущее.

Заканчивалась великая эпоха нашихъ войнъ за родное славянство, за православіе, за обездоленныхъ и угнетенныхъ; наступалъ

заключительный актъ войнъ съ исламомъ за крестъ на Софійскомъ храмѣ. Хотя послѣднею войною добыты несомнѣнно большіе результаты; но съ горькою обидою сознавалось, что главнаго сдѣлано не было. А оно было такъ близко, такъ возможно. Опытъ величайшихъ нашихъ государей указывалъ на необходимость стремленія къ обезпеченному выходу въ свободное море; и главную цѣль въ этомъ отношеніи составлялъ Царьградъ съ проливами. Намъ вовсе не нуженъ вѣчный городъ Востока; но намъ необходимо преобладаніе на этомъ узлѣ международной торговли Стараго Свѣта, необходимъ ключъ отъ Босфора, для насъ важна открытая дверь Дарданелль. Путемъ дипломатическихъ компромиссовъ главная государственная цѣль затушевалась. Народились вопросы о свободѣ проливовъ, о международномъ характерѣ Царьграда, о возрожденіи Византійской имперіи. Крупный размѣръ этихъ вопросовъ не укладывался въ рамкѣ полюбовнаго мирнаго соглашенія. Отсюда дипломатическій компромиссъ объ оставленіи дѣла въ слабыхъ рукахъ Турціи. Но такой палліативъ даетъ слишкомъ много нашимъ соперникамъ и слишкомъ мало намъ.

Не поставленная твердо и ясно цѣль войны ввела многихъ въ заблужденіе. Если великая Россія поднялась во весь свой политическій ростъ, то конечно только для того, чтобы сломить владычество ислама на Балканскомъ полуостровѣ, обломать рога у полумѣсяца, и тѣмъ дать новую жизнь единовѣрнымъ и единоплеменнымъ братьямъ. Всероссійская мощь ея слишкомъ велика и высокое значеніе въ славянскомъ мірѣ не сокрыто предъ лицомъ всего міра, чтобы можно было предполагать и ставить другія, болѣе мелкія цѣли, и эти цѣли могли бы пріобрѣтать какую-либо вѣроятность. Ясно, какъ Божій день, что въ конечномъ успѣхѣ мы даже не имѣли права сомнѣваться, и что съ самаго начала событія должны были быть подготовлены и направлены съ такимъ расчетомъ, чтобы вся задача была окончена въ одинъ ударъ. Откуда же эта неувѣренность, колебанія, сомнѣнія, какъ-бы неожиданность событій?!

Конечный успѣхъ нашего оружія оправдалъ самыя широкія предположенія. Увѣнчанная побѣдными лаврами, наша армія расположилась предъ беззащитнымъ Царьградомъ, въ которомъ полумѣсяцъ все еще попираетъ св. Софію. Почему же занесенный мечъ не опустился, чтобы разсѣчь гордіевъ узелъ?! Отвѣтъ одинъ: не выдержали нервы главной квартиры. Постараюсь вкратцѣ изложить событія послѣдняго періода кампаніи.

28 декабря получается въ Ловчѣ депеша Юсуфа-паши о перемиріи. 7 января въ Казанлыкъ къ главнокомандующему прибы-

вають турецкіе уполномоченные Серверъ-паша и Назимъ-паша. 9 января въ телеграммѣ гравнокомандующаго Государю Императору между прочимъ значится: „Въ виду быстро совершающихся событій, неожиданно скорого наступленія нашихъ войскъ... испрашиваю: какъ мнѣ поступить въ случаѣ подхода моего къ Царьграду, что легко можетъ случиться при паникѣ, которою объято турецкое населеніе отъ Адрианополя до Стамбула включительно, а также что дѣлать въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) Если англійскій флотъ вступить въ Босфоръ. 2) Если въ Константинополь будетъ иностранный десантъ. 3) Если тамъ будутъ беспорядки, рѣзня христіанъ и просьба о помощи къ намъ. 4) Какъ отнестись къ Галиполи съ англичанами и безъ англичанъ?“ Въ двухъ телеграммахъ главнокомандующаго слѣдующаго дня находимъ: въ первой „Событія такъ быстро совершаются и опережаютъ всякія предположенія, что, если Богъ благословитъ, мы скоро можемъ быть невольно подъ стѣнами Царьграда. 15 января рассчитываю быть въ Адрианополь... 17-го двинуть пѣхоту на Константинополь. Если не встрѣчу особыхъ препятствій, то къ концу мѣсяца могу быть у стѣнъ Царьграда“... Въ другой телеграммѣ Великій Князь доноситъ: „Долгомъ считаю высказать мое крайнее убѣжденіе, что при настоящихъ обстоятельствахъ уже невозможно остановиться и, въ виду отхода турокъ принять условія мира, необходимо идти до центра, т. е. до Царьграда, и тамъ покончить предпринятое тобою святое дѣло. Самые уполномоченные Портою говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены и намъ не остается ничего другого, какъ занять Константинополь“...

Въ отвѣтной телеграммѣ, отъ 12 января, Государю Императору благоугодно было выразить: „Соображенія твои относительно дальнѣйшаго наступленія къ Константинополю Я одобряю. Движеніе войскъ отнюдь не должно быть останавливаемо до формальнаго соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При этомъ объяви турецкимъ уполномоченнымъ, что, если въ теченіе 3-хъ дней со времени отправления ими запросной телеграммы въ Константинополь, не послѣдуетъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты, вопросъ долженъ рѣшаться подъ стѣнами Константинополя. Въ разрѣшеніе поставленныхъ тобою на этотъ случай 4-хъ вопросовъ предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями: По 1-му. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ, войти въ дружественныя соглашенія съ начальниками эскадръ относительно водворенія общими силами порядка въ городѣ. По 2-му. Въ случаѣ ино-

страннаго десанта въ Константинополь, избѣгать всякаго столкновенія съ нимъ, оставивъ войска наши подъ стѣнами города. По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненіи спокойствія, то констатировать этотъ фактъ особымъ актомъ и ввести наши войска. Наконецъ, по 4-му. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англійи заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галлиполи. Англійя съ своей стороны обѣщала намъ ничего не предпринимать для занятія Галлипольскаго полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлога къ вмѣшательству... Въ виду Твоего приближенія къ Царьграду, Я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ, а вмѣсто того приказалъ генераль-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться въ Адрианополь для веденія совмѣстно съ Нелидовымъ предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при Главной квартирѣ“.

19 января представителями Порты приняты нами предложенныя условія мира и заключено перемиріе, однако, безъ назначенія срока. Это послѣднее обстоятельство и позднее прибытіе нашего перваго уполномоченнаго лишь 27 числа въ Санъ-Стефано, куда Главная квартира прибыла 12 февраля, дали возможность Великобританіи сдѣлать попытку смѣшать наши карты.

Высочайшая телеграмма по этому поводу изъ С.-Петербурга отъ 30 января: „Вступленіе англійской эскадры въ Босфоръ слагаетъ съ насъ прежнія обязательства, принятія нами относительно Галлиполи и Дарданелль. Въ случаѣ, если бы англичане сдѣлали гдѣ-либо высадку, слѣдуетъ немедленно привести въ исполненіе предположенное вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь. Предоставляю Тебѣ въ такомъ случаѣ полную свободу дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданелль, съ тѣмъ, однако же, чтобы избѣгать непосредственнаго столкновенія съ англичанами, пока они сами не будутъ дѣйствовать враждебно“.

Слѣдующая депеша была отправлена днемъ раньше, но пришла днемъ позже. „Изъ Лондона получено оффиціальное извѣстіе, что Англійя, на основаніи свѣдѣній отъ Леярда объ опасномъ будто бы положеніи христіанъ въ Константинополь, дала приказаніе части своего флота идти въ Царьградъ для защиты своихъ подданныхъ. Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о вступленіи и нашихъ войскъ въ Константинополь съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе это могло исполниться дружественнымъ образомъ. Если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надобно быть готовымъ занять Царьградъ

даже силою. О назначеніи числа войскъ предоставляю Твоему усмотрѣнію, равно какъ и выборъ времени, когда приступить къ исполненію, принявъ въ соображеніе дѣйствительное очищеніе турками дунайскихъ крѣпостей“.

Въ то же время государственный канцлеръ доводилъ до свѣдѣнія Главнокомандующаго, что по Высочайшему повелѣнію имъ была отправлена въ наши 5 посольствъ телеграмма о томъ, что въ виду направленія англійской эскадры къ Константинополю для насъ является обязательнымъ имѣть въ виду часть войскъ направить въ Константинополь.

3 февраля Государь вновь пишетъ: „Англійское министерство утверждаетъ, что эскадра, вступившая въ Босфоръ—Дарданеллы, имѣетъ мирное назначеніе, не допускаетъ, однако же, что и съ нашей стороны вступленіе части войскъ въ Константинополь имѣло бы такой же характеръ. На это объявлено черезъ графа Шувалова, что временное вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь, съ тою же мирною цѣлью, сдѣлалось неизбѣжнымъ; но въ видъ послѣдней уступки обѣщано Англии, что мы не займемъ Галлиполи, если ни одинъ англійскій солдатъ не будетъ высаженъ на берегъ, ни европейскій, ни азіатскій... Что же касается до Босфора, то надобно зорко слѣдить, чтобы не допустить англійскія суда, и въ случаѣ какой-либо попытки ихъ въ эту сторону стараться занять, если можно съ согласія Порты, нѣкоторыя изъ укрѣпленій европейскаго берега“.

На послѣднія телеграммы изъ С.-Петербурга Главнокомандующій отвѣчалъ такою депешою отъ 4 февраля: „Съ каждымъ днемъ занятіе войсками нашими Константинополя становится затруднительнѣе, въ случаѣ, если Порта добровольно не согласится на наше вступленіе потому, что численность турецкихъ войскъ увеличивается съ каждымъ днемъ войсками, привозимыми изъ оставляемыхъ ими крѣпостей. Предупреждаю объ этомъ для того, чтобы не считалъ занятіе Царьграда столь же легкимъ и возможнымъ, какъ то было двѣ недѣли тому назадъ. Затрудняетъ переговоры растущій въ Царьградѣ слухъ о предполагаемой будто-бы европейской конференціи, до исхода которой миръ не будетъ считаться окончательнымъ“.

3-го февраля была получена отъ князя Горчакова копія съ депешъ, которыми обмѣнялись Государь Императоръ съ Султаномъ. 31 января стараго стила Государь отвѣчалъ: „Je viens de recevoir le télégramme de V. M. d'aujourd'hui midi. Je reste dans les mêmes dispositions amicales et pacifiques, mais il m'est difficile de concilier ce qu'elle demande avec une communication, que

je reçois du gouvernement anglais. Il me fait savoir que malgré du refus du firman une partie de la flotte anglaise entrera dans le Bosphore pour assurer la vie et la propriété des sujets britanniques. Si l'escadre anglaise entrerait dans le Bosphore, il me serait impossible ne pas faire entrer à Constantinople temporairement une partie de mes troupes. V. M. possède à un Crop Laut degré le sentiment de sa dignité personnelle pour qu'elle ne le dese, que, si le cas cité ci-dessous sa réalisait, je ne saurais agir différemment“.

Вышеприведенные документы съ достаточною ясностью обрисовываютъ ту обстановку, при которой Главнокомандующему приходилось рѣшать вопросъ о введѣ войскъ въ Царьградъ. Императору Александру II трудно было съ большою опредѣлительностью выражать свою волю о занятіи Царьграда частью своихъ войскъ. Если въ его телеграммахъ иногда встрѣчаются условныя указанія, то въ то же время во всемъ сквозило его желаніе услышать о вступленіи нашихъ войскъ въ Царьградъ.

Самъ Главнокомандующій въ эпоху перелома кампаніи былъ преисполненъ высокаго энтузіазма и рѣшимости довести дѣло быстро до конца. Онъ признавалъ за вѣліе судьбы идти въ Царьградъ, прибыть къ его стѣнамъ щитъ съ русскимъ гербомъ, и понималъ всю необходимость овладѣнія Константинополемъ и захвата Босфора, все нравственное значеніе этого факта, хотя бы для облегченія окончательнаго разсчета. Но все это было до Адрианополя, до заключенія перемирія, когда дѣлаются распоряженія объ овладѣніи укрѣпленіями на Босфорѣ передовыми войсками генерала Скобелева 2-го. Дальше Главнокомандующій не торопится, и Главная квартира переходитъ въ Санъ-Стефано только 12 февраля. Почти цѣлый мѣсяцъ въ Адрианополь тогда, какъ близость конца усиленно требовала присутствія Главнокомандующаго ближе къ Константинополю. Энергія, высоко развившаяся во время перехода войсками Балканскаго горнаго хребта, падаетъ. Въ скоромъ времени въ Главной квартирѣ начинаютъ говорить, что своими успѣхами мы можемъ захлебнуться. Такъ говорили тѣ же, которые послѣ плевненскихъ неудачъ предлагали для безопасности отойти за Дунай до прибытія подкрѣпленій. Позднѣе является даже уподобленіе съ басней „Фортуна и нищій“. Все громче раздаются голоса, что намъ рано владѣть Царьградомъ и для Россіи выгоднѣе слабая власть Султана на Босфорѣ. Даже при побѣдномъ шествіи всѣхъ отрядовъ къ Адрианополю все тѣ же голоса находили наше положеніе опаснымъ. Простудная болѣзнь Главнокомандующаго какъ нельзя болѣе содѣйствовала къ ослабленію нервнаго напряженія.

Перемиріе должно было застать войска въ непосредственной близости къ Константинополю, съ главною квартирою на передовыхъ постахъ, въ полной готовности къ наступленію. Слишкомъ большимъ снисхожденіемъ было принятіе нейтральной полосы по острову Деркосъ. Существеннымъ упущеніемъ было неназначеніе срока перемирія. Наши уполномоченные ставили себѣ въ заслугу сдачу дунайскихъ крѣпостей; но, если справедливо утвержденіе, что гарнизоны этихъ крѣпостей, перевезенные въ Константинополь, послужили ему оплотомъ отъ нашихъ войскъ, едва-ли дѣйствительна эта заслуга. Одновременно съ перемиріемъ были утверждены основы мира. Между тѣмъ нашъ первый уполномоченный прибылъ къ Главной квартирѣ только 27 января, т. е. позднѣе заключенія перемирія на восемь дней, а со дня Высочайшаго повелѣнія—на двѣ недѣли. Путь же отъ Бухареста до Адрианополя онъ сдѣлалъ въ четыре дня. Въ числѣ другихъ причинъ, повліявшихъ на позднее заключеніе мирнаго договора, и это обстоятельство имѣло не малое значеніе, отразившись неблагопріятно и на самомъ трактатѣ. Между прочимъ представляется необъяснимымъ, какъ могли турецкіе уполномоченные отказаться отъ обязательства совместно отстаивать статьи заключеннаго договора. Можно только сожалѣть, почему мирныя условія не были подготовлены заблаговременно и не были согласованы съ желаніями нашихъ союзниковъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Во всѣхъ отношеніяхъ было бы лучше, если бы въ заключеніи мира принимали участіе и ихъ уполномоченные.

Схватить за горло побѣжденнаго противника и заставить его принять волю побѣдителя имѣетъ такое же значеніе въ смыслѣ послѣдняго стратегическаго акта, какое имѣетъ энергическое преслѣдованіе разбитаго непріятеля—въ тактическомъ отношеніи. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ сильнѣе назрѣваютъ событія, которыми Главнокомандующій обязанъ пользоваться моментально, отнюдь не обращаясь ни къ кому за совѣтомъ. Эта истина выработалась вѣковымъ опытомъ и безспорна для всякаго положенія.

Если Главнокомандующій находилъ для себя затруднительнымъ овладѣть Царьградомъ, были ли его соображенія правильны или нѣтъ; то почему онъ не выполнилъ другого указанія, даннаго ему изъ Петербурга, не занявъ укрѣпленія на Босфорѣ. Инициатива этого предпріятія принадлежала ему самому, такъ какъ еще въ Адрианополѣ по этому поводу были даны инструкціи генералу Скобелеву 2-му.

Англійской эскадры бояться не слѣдовало, такъ какъ что она могла предпринять, чтобы намъ въ чемъ-либо помѣшать? Если бы она спустила десантъ, то предварительно должна была войти съ нами въ соглашеніе, и въ такомъ случаѣ мѣста для всѣхъ въ

Царьградъ нашлось бы довольно. Рѣшиться на явно враждебныя намъ дѣйствія эскадра, очевидно, не могла, такъ какъ не только рисковала десантомъ, но и собственнымъ существованіемъ. Если для взрыва турецкаго военнаго судна въ рядахъ русскихъ войскъ нашлись отважные люди; то какою бы славой озарились имена героевъ, взорвавшихъ англійскіе броненосцы. Англійской эскадрѣ оставалось одно изъ двухъ: или быть молчаливою свидѣтельницею нашего занятія Константинополя, или бомбардировать великій городъ, на защиту котораго прібыла.

Слава боевыхъ подвиговъ нашей арміи и ея доблестнаго военнаго начальника слишкомъ велика, чтобы бояться подробныхъ изслѣдованій, производимыхъ не съ цѣлью ее поколебать, а для блага отечества, въ изученіе дѣла, въ устраненіе бывшихъ недочетовъ на предбудущія времена.

XXI.

Чѣмъ ближе я узнаю нашего посла, князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго, тѣмъ большимъ проникаю къ нему уваженіемъ. Всегда ровный и спокойный, князь съ одинаковымъ вниманіемъ терпѣливо выслушиваетъ всякія заявленія, съ которыми къ нему обращаются оффиціальныя и частныя лица. Быстро разобратся въ нихъ ему не представляетъ большихъ затрудненій, такъ какъ при дарованіяхъ отъ природы онъ обладаетъ опытомъ и широкимъ образованіемъ, можетъ быть нѣсколько кабинетнаго характера. Принялъ мѣсто посла въ Константинополь онъ безпрекословно, хотя назначенія этого и предпочелъ бы избѣжать. Князь мнѣ рассказывалъ, что онъ не могъ не принять поста, разъ Государь ему лично выразилъ, что не имѣетъ выбора кромѣ него и надѣется позднѣе имѣть его своимъ непосредственнымъ сотрудникомъ.

Переживалось трудное время. Работы было много. Одновременно возникли серьезныя дѣла, отъ правильнаго рѣшенія которыхъ зависѣли интересы положенія и народностей. Раздѣломъ Болгаріи на двѣ части, по почину Великобританіи и съ утвержденія Берлинскаго конгресса, болгары были до крайности возмущены. Они рѣшительно не допускали возможности возвращенія Восточной Румелии подъ власть султана, сильно волновались и порывисто хваталась за оружіе. Сдерживаемые на мѣстахъ, занятыхъ нашими войсками,

они старались поджечь страну со стороны Македоніи, послужившей въ этомъ случаѣ фонтанелью для болгарскаго дѣла. Нельзя было не сочувствовать, но въ то же время не было возможности допустить этого безразсуднаго дѣла. Выше уже было отмѣчено, какое принялъ въ немъ участіе нашъ посолъ и какъ быстро имъ былъ предотвращенъ пожаръ народныхъ страстей.

Когда устанавливались границы въ комиссіи разграниченія и военныхъ экспертовъ на Берлинскомъ конгрессѣ, установившемъ принципиальное право за Турціею имѣть свои гарнизоны на перевалахъ главнаго Балканскаго хребта; крайнія заявленія были настолько обезврежены, что можно было не сомнѣваться, что правомъ своимъ турки никогда не воспользуются. Такимъ образомъ отдѣленіе Восточной Румеліи отъ Болгарскаго княжества по существу оказывалось почти фиктивнымъ и временнымъ. Хотя международная организаціонная комиссія Восточной Румеліи всячески старалась объ утвержденіи въ провинціи власти султана, но сдѣлать многого не могла, такъ какъ главный вопросъ объ организаціи мѣстной милиціи былъ въ рукахъ императорскаго комиссара и нашихъ войскъ.

Другой вопросъ, случайно возникшій изъ желанія обратить на себя вниманіе одного изъ юныхъ нашихъ талантовъ на дипломатическомъ поприщѣ, безъ знанія дѣла и опыта готовыхъ разрѣшать съ плеча какія угодно государственныя задачи, касался проекта образованія самостоятельнаго албанскаго государства. Я уже имѣлъ случай коснуться этого опаснаго случая, но здѣсь считаю необходимымъ болѣе подробно обрисовать ту обстановку, при которой онъ могъ не только возникнуть, но легко получить свое осуществленіе. Подъ словомъ Албанія слѣдуетъ разумѣть географическое наименованіе трудно-доступной горной страны на западной сторонѣ Балканскаго полуострова. На этомъ пространствѣ искони разбросаны отдѣльныя племена, не имѣющія между собой ничего общаго: ни языка, ни религіи, ни племенного родства. Никогда не составляли они ни отдѣльнаго государства, ни сплоченнаго общества, входя въ составъ Римской имперіи подъ общимъ названіемъ иллирійской области, а впослѣдствіи подчиняясь сильнѣйшему государству на полуостровѣ. Разрозненный характеръ ихъ не ограждалъ отъ виѣшней опасности, отъ всевозможныхъ вліяній, преимущественно шедшихъ съ Запада, заносивъ въ страну католическую пропаганду и культуру швабской державы. Для султановъ-завоевателей область не оказала серьезнаго сопротивленія и съ такою же легкостью восприняла исламъ, съ какою шла за проповѣдниками римскаго вѣроисповѣданія. Осмавы утвердили свою власть въ странѣ обращеніемъ бли-

жайшихъ и болѣе доступныхъ племень въ магометанство, упорно стремясь съ ихъ помощью владѣть краемъ подъ видомъ сплоченнаго исламомъ Арнаутлука; но поставленной цѣли достигъ не могли никогда. Свободолюбивые сыны горныхъ высей шли съ османами, пока это было имъ выгодно, не платя полатей и осуществляя свой собственный укладъ жизни. Но, какъ только правительственный тонъ повышался, предъявляя имъ общегосударственныя требованія, племена отбивались съ оружіемъ въ рукахъ и шли на соглашеніе съ Черной горой, которой принадлежали всѣ ихъ симпатіи. Такимъ образомъ Албанія не только никогда не была источникомъ силы державы полумѣсяца, но чаще заставляла ее держать въ ней сильныя гарнизоны.

Очевидно, объединеніе страны могло быть только случайнымъ, временнаго характера, что и доказывается историческими примѣрами, когда захватывалась власть надъ смежными племенами энергичными честолюбцами. Власть ихъ была не продолжительна и составляла скорѣе авантюру, чѣмъ историческое событіе.

Какъ же русскій дипломатъ могъ додуматься до необходимости образованія албанскаго государства въ нашихъ интересахъ. Еще удивительнѣе, что вѣдомство такой, по меньшей мѣрѣ, странной проектъ могло одобрить. Тѣмъ большая заслуга нашего посла, не только съумѣвшаго по достоинству оцѣнить опасную инициативу, но и имѣвшаго мужество положить ее подъ сукно, сообщивъ въ Петербургъ, что дѣлу имъ не данъ ходъ. Настоящій случай, такимъ образомъ, миновалъ безъ вредныхъ послѣдствій; но грустно думать, что всякая неразумная энергія, проявленная съ апломбомъ, можетъ быть направлена къ осуществленію, вопреки ея вреднаго характера. Приходится допускать возможность всякой затѣи.

Албанскія племена уже давно служатъ приманкой латинско-швабской пропаганды, предметомъ зависти Италіи къ Австро-Венгріи. Слабыя въ религіозномъ чувствѣ, они легко воспринимаютъ догматы Римской церкви, хотя и мѣняютъ ихъ съ одинаковою легкостью даже на коранъ, но отъ швабскихъ посягательствъ отрешиваются всѣми способами. Имперія Габсбурговъ силы въ Албаніи не почерпнула, напротивъ, до сихъ поръ только тратила свои духовныя и матеріальныя средства. Если когда-нибудь въ Албаніи образуется самостоятельное государство, оно наполнится внутренними раздорами и станетъ игрушкой сосѣдей. Но систему дѣйствій Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ, какъ бы она ни была намъ непріятна, нельзя безусловно осуждать. Она достойна въ извѣстной степени подражанія, такъ какъ даетъ безъ кровопролитныхъ боевъ блестящіе успѣхи. Смыслъ ея, насколько она до-

ступна изслѣдованію, заключается въ самомъ пристальномъ изученіи всей политической жизни въ общемъ цѣломъ и въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ съ микроскопомъ и скальпелемъ въ рукахъ. Ничто не теряется даромъ подъ пронизательнымъ взглядомъ австрійскихъ преемниковъ Метерниховскаго искусства. Вотъ именно этого намъ и недостаетъ. Мы простодушны, безъ грани довѣрчивы и вносимъ въ сферу государственной дѣятельности приемы домашней жизни нараспашку.

Не разъ предметами нашихъ разговоровъ съ кн. Лобановымъ были вопросы, почему въ событіяхъ первостепенной важности мы часто являемся неразумными и неопытными дѣтьми, несмотря на свою даровитость и несомнѣнную ученость.

Къ событіямъ эпохи нашей войны, того же характера, какъ въ Албаніи, принадлежитъ объединеніе власти Абейдуллы на значительномъ пространствѣ Курдистана. Во время военныхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Малой Азіи, этотъ смѣлый шейхъ не только не исполнилъ требованія Порты о формированіи милиціонной кавалеріи, но и оказалъ прямое сопротивленіе правительственнымъ агентамъ. Въ то же время онъ предлагалъ намъ содѣйствіе за признаніе его власти, ни къ чему насъ не обязывавши. Во время войны мы еще поддерживали изрѣдка съ нимъ сношенія; но по ея окончаніи рѣзко отъ него отвернулись, наживъ себѣ безъ особой причины, хотя не большого, но мстительнаго врага. Что это? Прямодушіе, доведенное до крайности; щепетильная закономѣрность поступковъ; или просто халатность? Австрія на западной половинѣ Балканскаго полуострова дѣйствуетъ не такъ. Она учитываетъ въ свою пользу всякое движеніе и стремится обратить въ своего агента всякаго вождя, сколько-нибудь заявившаго себя энергіею. Въ ея рукахъ создается такимъ образомъ цѣлая клавиатура, съ помощью которой, нажимая по обстоятельствамъ тѣ или другія клавиши, заставляеть чувствовать свое вліяніе.

Въ результатѣ изумительный успѣхъ, достигнутый безъ особыхъ усилій...

Однажды, при моемъ обычномъ посѣщеніи посла, князь Лобановъ конфиденціально мнѣ сообщилъ, что изъ Ливадіи ему было предложено указать на лицо для назначенія состоять при Александрѣ Баттенбергскомъ.

„На кого же Вы указали, князь?“

„На Васъ“.

„Почему же предварительно Вы не запросили меня?“

„Потому что указаніе на Васъ считалъ дѣломъ моей совѣсти“.

„Но Вы не будете противорѣчить, если я буду ходатайствовать предъ военнымъ министромъ о назначеніи Шепелева?“

„Нисколько. Я отдаю ему полную справедливость. Во многихъ отношеніяхъ онъ прекрасная личность; но есть сторона, по которой я отдалъ предпочтеніе Вамъ. Вы не такъ легко откажетесь отъ разъ поставленной цѣли, у Васъ есть опытъ, а онъ слишкомъ мягкаго характера. Однако торопитесь писать, чтобы успѣть послать съ сегодняшнимъ курьеромъ“.

Какъ хорошо вышло, что князь меня предупредилъ. Да, дѣйствительно, я имѣю опытъ и съ княземъ Карломъ, и съ княземъ Миланомъ, и этотъ опытъ мнѣ предсказывалъ вѣрный неуспѣхъ работы съ самонадѣяннымъ и упрямымъ по репутаціи юношей-принцемъ высокаго родства. Князь Миланъ былъ очень труденъ, но у меня были рычаги воздѣйствія; съ княземъ Карломъ было гораздо легче, какъ во всѣхъ отношеніяхъ джентельменомъ, во-первыхъ, во-вторыхъ — сами отношенія были меньшаго напряженія; но сколько времени и энергіи мною было затрачено съ нимъ лишнихъ. Въ Сербіи я пользовался безусловнымъ авторитетомъ, опираясь на престижъ Главнокомандующаго, котораго былъ представителемъ, поддерживаемый стимуломъ боя, не дозволявшаго по времени много разговаривать, наконецъ, за мною была денежная субсидія. Теперь, въ мирное время, предстояла громадная работа высокаго государственнаго значенія, а чѣмъ я могъ придать вѣсь моимъ совѣтамъ и указаніямъ моей работѣ, чтобы не сдѣлаться игрушкой капризнаго юноши.

Къ моему удовольствію чаша сія миновала меня.

Между тѣмъ выростали вопросы, съ которыми было необходимо познакомиться, чтобы ихъ использовать въ нашихъ интересахъ. Было необходимо безотлагательно закладывать основы вооруженныхъ силъ новосозданной Болгаріи и Восточной Румелии; изслѣдовать линіи укрѣпленій Чатаджинской позиціи; ознакомиться съ положеніемъ провинцій, оставшихся въ распоряженіи Порты, и т. д.

По первому вопросу, 28 октября 1878 г., мною было представлено военному министру:

„.... Для обѣихъ частей Болгаріи обязательна милиціонная система, ни въ географическомъ, ни въ политическомъ отношеніи не соотвѣтствующая условіямъ положенія страны. Болгарія не настолько гористая страна, чтобы могла удовлетвориться слабо подготовленною для дѣйствій на открытомъ пространствѣ милиціею. Политическое состояніе ея раздвигаетъ широко рамки государственныхъ задачъ. Достиженіе послѣднихъ немислимо съ пассивною боевою силою, присущею милиціонной системѣ. Милиція со-

ставляетъ низшую степень развитія вооруженныхъ силъ. Необходимо же такая организація, которая могла бы развиваться въ стройно организованную и всесторонне обученную постоянную армию. Между этими двумя предѣлами существуетъ множество состояній, или приближающихся къ формѣ милиціи, или почти достигающихъ условій постоянныхъ войскъ. Изъ ряда этихъ видовъ милиціонной формы долженъ быть сдѣланъ выборъ въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ организуемаго государства. Избранная форма, очевидно, будетъ удовлетворять условіямъ развитія военнаго дѣла только на извѣстный періодъ времени. Чѣмъ быстрее будетъ крѣпнуть государственный организмъ, тѣмъ скорѣе будетъ совершенствоваться и форма милиціонной системы, улучшаясь, главнымъ образомъ, въ сильныхъ кадрахъ, сѣтъ которыхъ можетъ, наконецъ, приблизиться къ условіямъ постоянныхъ войскъ. Отсюда только одинъ шагъ до ядра армии изъ готоваго кадроваго матеріала. Такимъ образомъ, въ основу всей организаціи должна быть положена самая строгая всеобщая обязательность.

Другимъ основаніемъ является составленіе ежегоднаго рекрутскаго контингента людьми одного возраста, опредѣленіе котораго должно быть сдѣлано въ соображеніи года физической зрѣлости народонаселенія. Научное образованіе можетъ дать право вольноопредѣляющагося, но охотникъ долженъ быть безусловно отвергнутъ. Это начало, введенное въ организацію вооруженныхъ силъ большинства благоустроенныхъ государствъ, казалось бы, не должно было вызывать сомнѣнія, если бы приказомъ Императорскаго комиссара, отъ 8 іюля, не призывались на службу люди трехъ возрастовъ: 20, 21 и 22-го, и не допускались бы на службу въ неограниченномъ числѣ добровольцы въ возрастѣ отъ 20-ти до 30 лѣтъ. Допущеніе добровольцевъ въ рекрутскій контингентъ, да еще въ неограниченномъ числѣ, подрываетъ въ корень главную основу всеобщей обязательности, на которой зиждется все зданіе военной организаціи, въ особенности, малыхъ государствъ. Въ странѣ много ратниковъ болгарскаго ополченія, на поляхъ сраженій приобрѣвшихъ боевой опытъ. До извѣстной степени ими можно было бы воспользоваться для образованія на первое время части кадровъ, хотя опытомъ дознано, что легче изъ новобранца сдѣлать хорошаго солдата, чѣмъ дисциплинировать нѣсколько разнузданнаго добровольца. Для кадра необходимо отсортировать лучшихъ ратниковъ, почему для кадра ихъ останется небольшое число. Боевымъ матеріаломъ ратниковъ воспользоваться слѣдуетъ, но отнюдь не уменьшая обязательнаго призыва.

Для болгарскаго правительства должны быть назидательны при-

мѣры развитія вооруженныхъ силъ въ Сербіи и Румыніи. Первая пренебрегла развитіемъ своихъ вооруженныхъ силъ и ограничивалась слабыми территоріальными кадрами. Двѣ, три тысячи ея постояннаго войска вовсе не имѣли значенія ядра регулярной арміи. Въ результатѣ, когда настала минута, страна не могла выставить въ поле ни одной вполнѣ регулярной части войска. Румынія же довела свою постоянную армію до почти двадцатитысячнаго состава и имѣла вслѣдствіе этого возможность располагать 40 т. массою организованнаго войска.

Еще два слова, полезныхъ для организаторовъ военнаго дѣла въ Болгаріи. Горная зона въ ней, какъ и гористые округи Молдавіи и Прикарпатской Валахіи, располагають болѣе свободолюбивымъ и физически развитымъ населеніемъ. Части горныхъ добанцевъ часто предпочитались линейнымъ тактическимъ единицамъ. Цѣлесообразно было бы, поэтому, территоріальное дѣленіе производить такъ, чтобы въ каждое попадало и то и другое. Части сербской народной арміи, составленныя сплошь изъ жителей Краины, никогда не выдерживали натиска противника, пока въ эти баталіоны не былъ влитъ болѣе надежный элементъ...

Общеобязательной повинности должно подлежать все населеніе безъ различія вѣроисповѣданія и народности. Если по значительному ихъ числу въ одной мѣстности было бы затруднительно ихъ вливать въ строевыя части, то слѣдуетъ назначать ихъ въ служебныя и техническія части и войсковыя учрежденія. Отнюдь не освобождать за деньги. При увѣренности въ несокрушимой устойчивости болгарскаго элемента, необходимъ широкій политическій взглядъ, и слѣдуетъ помнить, что страны будущихъ присоединеній имѣють сильный процентъ мусульманства, и что эти страны тѣмъ легче войдутъ въ составъ болгарскаго государства, чѣмъ большую обезпеченность въ будущемъ будутъ имѣть всѣ элементы ихъ народонаселенія. Въ особенности это слѣдуетъ имѣть въ виду въ отношеніи богатой Македоніи. Мы, русскіе, никогда не могли бы съ такимъ быстрымъ успѣхомъ подвигаться на Востокъ, если бы заставляли всѣхъ встрѣчавшихся на нашемъ пути мусульманъ бросать ихъ родину и бѣжать въ невѣдомые края..."

Чрезвычайно важное значеніе приобрѣтала Чаталджинская позиція, спѣшно укрѣпляемая и вооружаемая турками съ помощью англійскихъ денежныхъ ссудъ и военныхъ спеціалистовъ. Вотъ, что я доносилъ по этому поводу Военному Министру въ исходѣ 1878 года.

„Вниманіе сераскеріата и англійскаго посольства обращено на успѣхъ оборонительныхъ работъ Чаталджинской позиціи. Несмотря

на всѣ мѣры, принятыя осенью къ возведенію верковъ этого оплота Стамбула отъ покушеній нашей арміи, результатъ оказался неудовлетворительнымъ. Главныя затрудненія были встрѣчены въ свойствахъ грунта позиціи и той безурядицѣ, которая сопровождаетъ каждое правительственное распоряженіе, въ настоящемъ случаѣ въ постройкѣ желѣзной дороги вдоль позиціи и бараконъ для войскъ. Съ началомъ дождей всѣ насыпи поплыли и бруствера обратились въ мѣсиво, подвозъ тяжестей прекратился, войска отъ сырыхъ землянокъ стали болѣть тифомъ и изнурительною лихорадкою. Чтобы какъ-нибудь справиться съ этими бѣдствіями, англичане потребовали отъ Порты назначенія Беккеръ-паши главнымъ распорядителемъ работъ и начальникомъ войскъ на Чаталджинской позиціи и пригласили на службу инженеровъ Пижона, Сетта и Роберта, подъ высшимъ наблюденіемъ Шефельдера, которому предоставили право расходованія денегъ для необходимыхъ работъ по чекамъ на посольскій банкирскій домъ Ганзенъ и К-о. Такимъ образомъ у англичанина Беккеръ-паши, по показанію англійскаго полковника Аликса, находится теперь 71 турецкихъ таборовъ и до 400 орудій, считая въ томъ числѣ и полевые батареи. Желѣзная дорога и бараки работаются турецкимъ редифомъ подъ наблюденіемъ инженеровъ, находящихся на отчетѣ у великобританскаго посольства“...

„Придавая Чаталджинской позиціи особо-важное значеніе, Генеральнаго штаба капитанъ Протопоповъ снялъ кроки мѣстности съ укрѣпленіями и сдѣлалъ подробное описаніе всей позиціи. Работу эту представляю при семъ на благовоззрѣніе Вашего Сіятельства“.

XXII.

О положеніи дѣлъ въ концѣ 1878 г. я писалъ Военному Министру.

„... Съ спокойною совѣстью мы можемъ сказать, что свое боевое дѣло мы сдѣлали и, надо надѣяться, навсегда, Балканскій полуостровъ не долженъ болѣе требовать русской крови. Судьба его обезпечена. Отнынѣ славянскія народности должны вырабатываться собственными силами и средствами, иначе долго не будутъ въ состояніи достигнуть полной самостоятельности.“

Въ настоящее время желательна возможно быстрая реализація добытыхъ войной результатовъ. Между тѣмъ клубокъ различныхъ

положеній и обстоятельствъ не только не разматывается, а сплетается и грозитъ въ недалекомъ будущемъ опасными осложненіями. Клубокъ не разматывается столько же отъ недовѣрія къ намъ Порты, находящей поддержку у представителей иностранныхъ державъ, сколько и отъ страстнаго желанія болгаръ воспользоваться присутствіемъ нашихъ войскъ для своего національнаго объединенія; Порту страшатъ, что мы захватимъ Фракію и Македонію. Ей указываютъ на усиленіе нашей забалканской арміи и на приготовленіе ея на зимовку въ окрестностяхъ Андрианополя, все для поддержки болгарскаго движенія въ Македоніи, наконецъ, на зазорныя статьи болгарской газеты „Марица“, отражающей, по мнѣнію турокъ, направленіе нашей политики. Наибольшія затрудненія намъ причиняетъ Великобританія, желающая осложненіемъ нашего положенія здѣсь отвести наше вниманіе отъ Средней Азии. Завязить насъ въ Болгаріи, чтобы на свободѣ раздѣлаться съ затрудненіями въ Индіи и Афганистанѣ, вотъ цѣль, къ которой стремится великобританскій посолъ. Но истощенная Турція изъ страха новой ампутаціи едва-ли проявитъ задоръ, если только мы не будемъ увлечены болгарскимъ шоввинизмомъ. Съ очищеніемъ нашими войсками Константинопольскаго полуострова сила побужденія къ выполненію турецкихъ обязательствъ умалилась. Англичане воспользовались вновь очутившеюся въ распоряженіи турецкихъ войскъ Чаталджинскою позиціею, чтобы спѣшно привести въ порядокъ ея укрѣпленія и тѣмъ создать оплотъ для Царьграда и Босфора. Хотя ничего серьезнаго сдѣлать имъ не удалось, но они все-таки до извѣстной степени успѣли внушить крайне впечатлительному восточному человѣку большую вѣру въ свою безопасность. При такихъ условіяхъ военныя демонстраціи нашей арміи у Андрианополя теряютъ значеніе. Между тѣмъ прибытіе къ ней подкрѣпленій изъ-за Балканъ, а въ особенности подходъ свѣжихъ частей отъ Одесскаго военнаго округа, вызываютъ сильное броженіе умовъ въ болгарскихъ провинціяхъ, какъ будто указывая болгарамъ на наше намѣреніе вооруженною рукою поддержать ихъ національное движеніе...

Вопросомъ чрезвычайной важности для Оттоманскаго правительства является государственная смѣта на будущій годъ. За отчисленіемъ громаднхъ суммъ на уплату текущаго процента по колоссальнымъ долговымъ обязательствамъ, остающійся доходъ, на который Порта можетъ рассчитывать, не превышаетъ 12/м. турецкихъ лиръ. Между тѣмъ одинъ расходъ по сераскеріату исчисленъ въ 15/м. При извѣстной числительности людей, нынѣ находящихся въ строю, и опредѣленномъ размѣрѣ продовольственной дачи, не трудно

высчитать, что одно продовольствіе войскъ потребуеть не менѣе 6/м. лиръ. Отсюда можно заключить, что расходъ въ 15/м. отнюдь не преувеличенъ. Въ эту критическую минуту на помощь турецкимъ финансамъ приходитъ великобританское правительство, гарантируя заемъ. Не касаясь тяжелыхъ условій послѣдняго, оказывается, что въ распоряженіи Порты остается только 7/м. лиръ. Отчисляя 3/м. на военный бюджетъ, на всѣ государственныя нужды имперіи остается лишь 4/м. лиръ. Такимъ образомъ, волею неволею, приходится по многимъ статьямъ прекратить платежи, т. е. быть банкротомъ. Впрочемъ для турецкаго правительства это не новость. Оно отбросило отъ себя всякую заботу, разъ навсегда увѣровавъ, что существованіе имперіи Ислама необходимо для благоденствія Европы“.

Позднѣ мною доносилось:

„Минувшая война измѣнила положеніе вещей какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ азіатскихъ владѣніяхъ султана. Въ оставшихся европейскихъ обрѣзкахъ сохранилась лишь тѣнь его власти, поддержаніе которой отнынѣ ляжетъ на государство тяжелымъ бременемъ. Новыми распорядителями полуострова теперь являются княжества, политическая жизнь которыхъ принадлежитъ исключительно нашему почину. На азіатскія владѣнія Турціи силится наложить свою руку Великобританія въ видахъ обезпеченія своихъ матеріальныхъ выгодъ и охраненія путей, связующихъ Англію съ Индією.

На Балканскомъ полуостровѣ мы проявляли до сихъ поръ матеріальную поддержку. Теперь обязываемся болѣе труднымъ нравственнымъ попечительствомъ. Ранѣе мы тратили нашу физическую силу и денежныя средства; теперь требуются усилія разума и проявленіе духовнаго развитія.

Мы знали, что сила Турецкой имперіи находится въ азіатскихъ владѣніяхъ султана, но наше изученіе страны ограничивалось бѣглымъ взглядомъ на ея поверхность, состояніе путей, средствъ обороны и статистическими таблицами народонаселенія. Теперь новый порядокъ вещей заставляетъ насъ глубже взглянуть внутрь самой жизни народностей, проникнуться ихъ частными интересами, завязать съ ними такую торговую и промышленную связь, которая была бы въ состояніи поднять въ глазахъ нашъ престижъ.

Чтобы закрѣпить за собой первенствующее положеніе, мы должны слѣдить шагъ за шагомъ за вновь развивающимися силами, охранять ихъ отъ увлеченій и заблужденій, противодѣйствовать вреднымъ вліяніямъ и направлять юные политическіе организмы къ образованію намъ дружественнаго союза. При нашемъ равнодушіи,

кто можетъ поручиться, что такія государства, какъ Румынія, Болгарія, Сербія и Черногорія, не возьмутъ ложнаго направленія и, переходя отъ одной конвенціи къ другой, отъ желѣзно-дорожнаго соглашенія къ экономическому, не войдутъ наконецъ отдѣльными корпусами въ составъ австро-венгерскаго конгломерата. Румынія уже объявила Европѣ, что служитъ оплотомъ Востока отъ нашего нашествія. Теперь армяне просятъ быть такимъ же оплотомъ въ Азіи.

Въ Малой Азіи еще группируется мусульманское населеніе—главный источникъ силы Турціи. Но магометанская Арменія выставила значительно меньшій контингентъ защитниковъ ислама, хотя и дала правительству громаднй денежный капиталъ. Сирія уже утратила свое значеніе для Порты съ эпохи шестидесятыхъ годовъ, а теперь за своимъ губернаторомъ, Митхадъ-пашой, тянется подъ непосредственный протекторатъ Великобританіи. Курдистанъ и Арабистанъ не разъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свою свободу, признавая власть центрального правительства больше номинально и служа постоянною ареною стычекъ съ войсками.

Въ европейской Турціи единственнымъ источникомъ турецкой силы были босняки, всегда служившіе надежнѣйшимъ элементомъ оттоманской арміи. Теперь Австро-венгерскою оккупаціею они окончательно исключены изъ рядовъ войскъ Падишаха. Изъ остального мусульманскаго населенія полуострова албанцы были всегда условною силою, весьма часто даже истощавшею Турцію энергичною борьбою въ своихъ трудно-доступныхъ тущобахъ; а помаки Родопа и османы Дели-Ормана не играли роли по своей малочисленности. Растерявъ свою силу въ Европѣ, блистательная Порта стремится ее наверстать на единовѣрныхъ племенахъ своихъ азіатскихъ владѣній, но, всюду встрѣчая сопротивленіе, не только раззоряетъ ихъ въ конецъ, но и приучаетъ къ открытой ненависти.

Послѣдовательное отпаденіе частей отъ державы Османа настолько потрясло ея государственный организмъ, что даже англичане, наиболѣе заинтересованные въ сохраненіи Турціи, потерявъ вѣру въ самостоятельную ея жизненность, теперь украдкою стремятся въ своихъ интересахъ оградить мусульманство созданіемъ автономной Малой Азіи при чисто формальной зависимости отъ Порты.

Частая смѣна за послѣднее время султановъ дискредитировала ихъ престижъ калифа правовѣрныхъ, напомнимъ прежнія времена упадка, когда престоломъ Османа распоряжался янычарскій ага. Позорное пораженіе турецкихъ войскъ на поляхъ сраженій произвело глубокое впечатлѣніе на умы, сдѣлавъ правительственную

власть отвѣтственною за испытанныя бѣдствія. Отсюда пошатнувшееся положеніе султана, заставившее его перенесеніемъ своей резиденціи въ укрѣпленный Ильдызъ обезпечить себя отъ всякой случайности. Въ новыхъ условіяхъ Абдуль-Гамидъ призываетъ къ сотрудничеству новыхъ лицъ и пріобрѣтаетъ возможность принимать такія рѣшительныя мѣры, которыя при обыкновенной обстановкѣ могли бы вызвать волненія и даже сопротивленіе. Съ рѣдкою твердостью онъ отбрасываетъ форму парламентскаго режима, навязанную Митхадъ-пашой по рецепту англійскаго посла, и рѣшительно приступаетъ къ всеобщему умиротворенію въ Европѣ и утвержденію своей власти въ полунезависимыхъ раіонахъ мусульманскаго населенія въ Азіи. Султанъ не воспротивился заключенію мирнаго договора съ нами и конвенціи съ Австро-Венгріею, не щекотливъ въ уступкахъ на Балканскихъ перевалахъ, въ Восточной Румелии, и вѣроятно не будетъ упорствовать на греческой границѣ; но въ то же самое время его войска въ Малой Азіи занимаютъ Зейтунскую котловину, никогда не выдавшую знамени съ полумѣсяцемъ, а сильный отрядъ Дервиша-паши проникаетъ въ неприступныя скалы Дерсима.

Каковъ бы однако ни былъ успѣхъ турецкихъ войскъ въ азіатскихъ провинціяхъ, приведенныя въ покорность Стамбулу страны не примкнутъ къ политической жизни государства иначе, какъ съ проведеніемъ къ нимъ удобныхъ путей сообщенія. Отсюда, сознаваемая правительствомъ султана, настоятельная необходимость сооруженія въ азіатскихъ провинціяхъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ. Уже съ шестидесятихъ годовъ этимъ важнымъ рычагомъ владѣнія и вліянія стремится завладѣть Великобританія, имѣющая въ виду создать для себя удобнѣйшій сухопутный путь въ Индію, при томъ съ его полнымъ обезпеченіемъ собственными средствами и силою. Но тяжелыя великобританскія условія: отчужденіе въ собственность широкой полосы земли, устройство военныхъ опорныхъ пунктовъ вдоль дороги съ правомъ содержанія собственныхъ отрядовъ подъ англійскимъ знаменемъ, участіе англичанъ въ управленіи страной, командованіи турецкими войсками, въ особыхъ судахъ и финансовыхъ учрежденіяхъ, подрываютъ слишкомъ явно и глубоко основы государственнаго права султана, чтобы онъ когда-либо рѣшился подписать отреченіе отъ своихъ лучшихъ владѣній. Султанъ Абдуль-Гамидъ разсчитываетъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ частными предпринимателями на однихъ условіяхъ земельного отчужденія по примѣру Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Онъ не спѣшитъ съ заключеніемъ внѣшнихъ займовъ, пока не оправится государственный кредитъ и не разовьется соревнованіе съ

англійскими банкирами французскихъ, и пользуется страшнымъ паденіемъ бумажныхъ денегъ „каймэ“ для ихъ покупки по ничтожной цѣнѣ. Вообще принятыя Абдуль-Гамидомъ мѣры обнаруживаютъ въ немъ умъ и энергію; насколько проявитъ онъ характера и настойчивости въ слѣдованіи по избранному пути, можетъ показать только время.

Конвенціею 4-го іюня Великобританія приняла на себя оборону отъ насъ азіатскихъ владѣній султана. Общія защиту въ будущемъ, она тутъ же получила въ задатокъ островъ Кипръ и безотлагательно приступила къ утвержденію своего вліянія въ странѣ. Потерпѣвъ неудачу въ проведеніи плана во всемъ его объемѣ, великобританскій посоль обратился къ осуществленію своей задачи путемъ болѣе практическимъ, пользуясь правомъ капитуляцій. Онъ задался цѣлью охватить всю Анатолію сѣтью своихъ консульствъ и потребовалъ отъ Порты рядъ фирмановъ для вновь открываемыхъ консульствъ, назначая консулами и секретарями въ нихъ офицеровъ, а кавасами унтеръ-офицеровъ прямо изъ рядовъ арміи. До сихъ поръ британскія консульства возникали въ силу экономическихъ и торговыхъ интересовъ Англій, преимущественно въ приморскихъ пунктахъ и административныхъ центрахъ страны. Теперь, сѣтью англійскихъ консульствъ покрылось все внутреннее пространство Малой Азіи. Осуществленіе плана только вначалѣ, а между тѣмъ уже водворены англійскій полковникъ въ Савасѣ генеральнымъ консуломъ, а оберъ-офицеры подвѣдомственными ему консулами въ Бруссѣ, Ангорѣ, Коніи, Аданѣ, Исмидѣ, Айдинѣ, Джаникѣ и Бигѣ. Постъ самостоятельнаго консула въ Діарбекирѣ занялъ тоже англійскій офицеръ.

Не пренебрегая никакими средствами для достиженія разъ поставленной цѣли,—разсаживая въ наиболѣе важныя провинціи своихъ клевретовъ, какъ Ахметъ-Вефина-пашу въ Бруссу; на мѣсто вали Худавендигіара, облегающаго Босфоръ, Мраморное море и Дарданеллы съ Анатолійской стороны, какъ Мидата-пашу въ Сирію и, находящагося на содержаніи Англій, вице-короля Уды въ Багдадѣ; не гнушаясь даже антиправительственною пропагандою въ казармахъ и кофейняхъ, и тратя на все это значительныя суммы, представители британскихъ интересовъ въ Турціи съ каждымъ днемъ расширяютъ свою дѣятельность, все крѣпче завязывая узы живой связи англійскаго капитала со страной, все тѣснѣе захватывая народонаселеніе подъ непосредственное вліяніе своихъ консульствъ, превращенныхъ въ военные посты и опорные пункты. Отъ матерьяльной помощи деньгами и содѣйствія своими специалистами и техниками Англія перешла къ широкому захвату

территоріи съ стратегическими линіями желѣзныхъ дорогъ, съ развращеніемъ турецкихъ пашей, съ овладѣніемъ исподволь всѣми функціями правительственной власти.

Все указываетъ на то, что держава Османа приближается къ послѣднему періоду своей исторіи, что обширное государство, сплоченное кораномъ, стремится къ распаденію. До сихъ поръ Великобританія находила свои интересы въ поддержкѣ державы Ислама. Теперь и она оставляетъ свою традиціонную политику и переходитъ къ задачѣ непосредственнаго захвата“...

„При такомъ положеніи, быть можетъ, и намъ слѣдовало придать нашей консульской дѣятельности больше энергіи, большую активность. Нужно однако признаться, что довѣрія здѣсь мы не приобрѣли никакого, и что настолько же мы во всемъ встрѣчаемъ противодѣйствія со стороны правительственной власти, насколько послѣдняя идетъ навстрѣчу всѣмъ начинаніямъ англичанъ. Нельзя сказать, чтобы съ нашей стороны не было сдѣлано вовсе никакихъ попытокъ на оживленіе въ выясненіи нашихъ истинныхъ интересовъ; но эти попытки были такъ слабы и такой носили на себѣ академическій характеръ, что достаточно было имъ поставить малѣйшее затрудненіе, чтобы мы отказались отъ всего безъ всякихъ возраженій.

Представляется очевиднымъ, что къ азіатскимъ пунктамъ, имѣющимъ особо важное значеніе въ военномъ отношеніи, должны быть причислены: Трапезонтъ, какъ важнѣйшій портъ на Черномъ морѣ, Ерзингянъ, какъ штабъ-квартира IV корпуса, Алеппо, какъ ближайшій къ Средиземному морю административный пунктъ на главномъ пути во внутренность страны. Если бы штабъ былъ переведенъ въ Харпутъ, а административная власть въ Александретту, то Ерзингянъ и Алеппо потеряли бы свое военное значеніе. Предполагается г. Люндеквиста назначить вице-консуломъ въ Александретту, но съ такимъ предположеніемъ я согласиться не могу. Его дѣятельность была бы до крайности стѣснена коммерческими дѣлами и не имѣла бы простора крупнаго административнаго центра. Ясно, что для него Алеппо должно быть предпочтено Александреттѣ. Считаю при этомъ своимъ долгомъ обратить вниманіе Вашего Сіятельства на необходимость своевременнаго сообщенія въ Императорское посольство для нашего военного агента всѣхъ свѣдѣній военного характера, собираемыхъ кавказскимъ начальствомъ черезъ свои органы наблюденія за сосѣднею страной.

Вообще я могъ бы многое возразить противъ скудости новаго расписанія нашихъ консульствъ. Какъ напримѣръ могли обойти Адрианополь, этотъ войсковой центръ Оракіи, сосредоточеніе адми-

нистративной власти, первостепенной важности складъ всякаго боевого матерьяла. Тѣмъ болѣе этотъ пропускъ трудно объяснить, что здѣсь издавна существовало наше консульство. Настоятельная въ немъ необходимость уже обнаружилась и спѣшно назначенъ временнымъ консуломъ офицеръ изъ строя. Такимъ образомъ, въ самую важную минуту консульской дѣятельности на мѣстѣ, не оказалось ни опытнаго консула, ни освѣдомленнаго персонала, ни традицій, ни связей и т. д. Въ настоящее кипучее время ликвидаціи побѣдоносной войны пренебрежены продовольственные и другіе интересы войскъ; брошена на произволъ судьбы участь русскихъ подданныхъ; ничѣмъ не обезпеченъ переселенческій вопросъ, и т. д. Словомъ, если когда-нибудь существовала здѣсь потребность въ нашемъ консульствѣ, то это въ настоящее время. Примѣръ Адрианополя не составляетъ исключенія. Позволю себѣ указать на Ново-базаръ, на Битоль и многіе другіе пункты, занятіе которыхъ нашими консульствами вызывается самою настоятельною необходимостью“...

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

